

ИСТОРИЯ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 930

doi 10.17072/2219-3111-2021-2-160-172

Ссылка для цитирования: *Наволоцкая Д. И.* Восприятие образа стахановки: фанатские письма Дусе Виноградовой, 1935 – 1936 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2(53). С. 160–172.

Link for citation: *Navolotskaya D. I.* Perception of the Image of Stakhanovka: Fan Letters to Dusya Vinogradova, 1935–1936 // Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya). 2021. № 2(53). P. 160–172.

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА СТАХАНОВКИ: ФАНАТСКИЕ ПИСЬМА ДУСЕ ВИНОГРАДОВОЙ (1935 – 1936 ГОДЫ)¹

Д. И. Наволоцкая

Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А

dnavolotskaya@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0001-7350-4953

Главный вопрос данной статьи: почему советские граждане разных профессий, возрастов писали стахановке – советской знаменитости? Ответить на него автору помогло новое направление в социально-гуманитарных науках – исследования «культуры знаменитости». Феномен массовых писем стахановке в 1935 – 1936 гг. был проявлением участия аудитории в создании образа своего кумира и таких модернизационных процессов, как массовые производство и потребление, массовые СМИ, которые имели свою специфику реализации в Советском Союзе 1930-х гг. Советский Союз в 1930-е гг. не был аномалией в сравнении с Западом. В основе советской «культуры знаменитости» лежала плановая экономика и авторитарный режим, но это не исключало наличие нерепрессивных, демократических феноменов среди аудитории центральной советской прессы. Чтобы изучить специфику модернизационных процессов, с помощью которых советская знаменитость возникала и распространялась, в статье смещается исследовательский фокус с изучения биографии публичной фигуры на анализ восприятия образа знаменитости. Иными словами, основное внимание уделяется изучению культурных практик потребления образа знаменитой стахановки, а также политическим механизмам, с помощью которых эти практики были сконструированы. В основе советской культуры знаменитости лежало сочетание репрессивных политических механизмов и демократичных культурных практик потребления образа селебрити. Несмотря на то, что образы первых стахановцев в периодической печати предназначались для противопоставления героев труда «антисоветским, враждебным элементам», коммуникация между фанатами и знаменитой стахановкой основывалась на равном единении вокруг труда – высшей ценности.

Ключевые слова: Евдокия Виноградова, стахановское движение, фанатские письма, социалистическое соревнование, культура знаменитости.

Введение

4 декабря 1935 г. в «Комсомольской правде» вышла статья «Необычайная переписка». В ней рассказывалось о потоке писем от советских граждан молодой стахановке Дусе Виноградовой: «Каждый день почтальон приносит Дусе Виноградовой охапку свежих писем. Это письма с разных концов страны. Пишут с крайнего севера, с юга, с востока, с запада. Я видела письма из Ташкента, из Азербайджана, из Сибири, с Кавказа, из Бурято-Монголии... пишут девушки и юноши. Рабочие, колхозники, летчики, инженеры, краснофлотцы, красноармейцы, учителя, актеры, поэты, ученые. Вряд ли еще какая-нибудь девушка получает столько писем. Авторы писем – незнакомые люди, но их письма переполнены любовью и дружбой» (Необычайная переписка, 1935).

В Государственном архиве Ивановской области сохранилось 185 писем Д. Виноградовой: 37 коллективных, 100 индивидуальных и 48 служебных. Самое первое из них пришло в октябре 1935 г., а последнее – в феврале 1936 г. Часть писем перепечатана на машинке. Вероятнее всего, их отбирала сама Е. Виноградова для публикации, поэтому в большинстве своем они представляют положительный отклик на ее успехи. В связи с этим достаточно сложно оценить, насколько эти письма могут передать весь возможный спектр отзывов на образ стахановки, созданный в газетах.

С середины 1930-х гг. в советской прессе стал складываться образ Дуси Виноградовой как одной из инициаторов целого направления стахановского движения в текстильной промышленности – «Виноградовского движения». За несколько месяцев, с осени 1935 г. обычная ткачиха из г. Вичуга (Ивановская промышленная область) стала всесоюзно известной стахановкой. В центральных изданиях прессы вышло множество статей, посвященных ее трудовым рекордам (всего публикаций за 1935–1940 гг. 171: 1935 г. – 88; 1936 г. – 43), в отдельной брошюре рассказывалось о технических особенностях авторского стахановского метода Е. Виноградовой (*Виноградова, Виноградова, Лебедева, 1935*), с помощью которого она работала с рекордным количеством станков. В небольших биографических эссе (*Софронов, 1936; Ракитников, 1938*) читателей знакомили с ее детством и юностью. Вскоре после этого Дуся вместе со своей сменщицей и коллегой по работе – Марусей Виноградовой – стала одной из главных героинь документального фильма. В 1940 г. вышла музыкальная комедия «Светлый путь» также посвященная трудовым рекордам стахановки, с Любовью Орловой в главной роли. Образ Е. Виноградовой, сформировавшийся в прессе к концу 1930-х гг., стал прототипом для создания образа главной героини художественного фильма.

В литературе преобладает мнение о негативном восприятии стахановцев обычными рабочими [*Buckley, 2006, p. 80; Фицпатрик, 2001, с. 21; Randall, 2000, p. 437*]. Враждебность по отношению к ним объяснялась нежелательным повышением норм, к которым могли привести стахановские рекорды. Кроме того, вклад остального персонала предприятия оставался совсем незаметным, а все внимание уделялось непосредственно стахановцам – главным героям производственных рекордов [*Siegelbaum, 1990, p. 93*].

В работах, посвященных изучению стахановского движения, стахановцы чаще рассматривались как идеологически нагруженные образы советской пропаганды, в отрыве от их восприятия непосредственной целевой аудиторией. Историки акцентировали внимание на воспитательных, мобилизационных задачах, возлагавшихся на стахановское движение, а также на образцовых моделях поведения, гендерных ролях, которые продвигались с помощью их образов [*Siegelbaum, 1990, p. 151; Buckley, 2006, p. 69, 78; Randall, 2000, p. 432–434*].

В данной статье исследуется восприятие образа стахановки за пределами заводских цехов, т.е. теми советскими гражданами, которые работали, учились не только на производстве в разных отраслях промышленности, но и в советской армии, школе, занимались общественной-политической деятельностью на основном месте работы, учебы, воинской службы. Е. Виноградова рассматривается как одна из первых женщин-знаменитостей (селебрити) сталинского периода, а полученные ею письма – как фанатские. Образ Дуси Виноградовой, как и образы селебрити в западном обществе, возник благодаря массовому производству текстов и изображений и популяризировал современные виды досуга и потребления (более подробно об этом см. в стат. [*Наволоцкая, 2020, с. 138–140; Barbas, 2016, p. 48*]). В СССР письма публичной фигуре были не только военной практикой, как пишет Ч. Шо [*Shaw, 2016*]. Письма знаменитостям, прославившимся благодаря прессе, существовали уже в довоенный период и являлись неотъемлемой частью стахановского движения как культурного феномена.

Главный вопрос, на который автор стремится ответить в данной статье: почему советские граждане разных профессий, возрастов писали стахановке – советской знаменитости? как они объясняли значимость текста письма для себя и своего адресата?

Фанаты и культура знаменитости

Появление знаменитости как массово узнаваемого образа стало возможно благодаря возникновению массовых производства и потребления. Визуальность, растиражированность образа звезды для широкой аудитории являются, пожалуй, основными факторами, которые обеспечили общие черты в восприятии поклонниками образа знаменитости разных стран и эпох.

Письмо знаменитости стало результатом всеобщей способности медиа стирать границы между лицами, разделенными социальными и географическими. Поклонники в своих посланиях звезде писали про эмоциональную связь, личное знакомство с ней [Лилти, 2018, с. 75]. Из-за того, что коммуникация поклонника и знаменитости, организованная с помощью медиа, носила односторонний характер, письмо кумиру становилось средством достижения обратной связи, прямого контакта [Там же, с. 75, 76].

Современные исследователи культуры знаменитости отказываются от определения поклонников как пассивных потребителей массовой культуры и сходятся на том, что фанаты являются потребителями, которые также производят, читателями, которые также пишут, и зрителями, которые также участвуют [Lewis, 2001, p. 1; Jenkins, 2001, p. 208]. Заинтересованность, эмоциональная вовлеченность [Лилти, 2018, с. 60; Fishzon, 2012, p. 102], креативный потенциал поклонников выделяют их и отличают от обычной аудитории.

Потребление образа известной личности обычно выражалось в собирании и хранении информации о ней в виде вырезок из газет, хранении личных вещей звезды, написании стихов и подражании ее роду деятельности [Barbas, 2016, p. 22; Fishzon, 2012, p. 102, 107]. Еще одной общей чертой восприятия публичных фигур был интерес к внутреннему миру знаменитости, ее экстраординарности, которая могла проявляться необязательно в таланте, а в олицетворении ее образом современной моды, карьеры, гендерных ролей [Barbas, 2016, p. 46–52].

Несмотря на то что в советской прессе не было слов «фанат», «поклонник», «знаменитость», письма Евдокии Виноградовой содержали такие же практики потребления образа публичной фигуры, что и письма фанатов голливудского кино в 1910–1940-е гг. или поклонников Шаляпина в позднеимперской России. Поклонники стахановки вырезали ее изображения из газет (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 46), следили за выходом новой информации о ней, стремились написать ей лично, а кто-то – увидеть ее, чтобы подтвердить подлинность опубликованной информации о ее рекордах (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 47). Не зная Дусю Виноградову лично, советские граждане писали о своем ощущении частного знакомства со стахановкой. Поклонников интересовали не только ее трудовые достижения, но и детали личной жизни, такие как увлечения, досуг (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 24–25). Почти каждый автор письма стремился не только познакомиться с ней, но и подружиться, завязать переписку, чему должен был способствовать обмен фотографиями (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 280). Экстраординарность стахановки в восприятии поклонников означала способность организовать рабочее время в любой деятельности таким образом, чтобы получить максимально успешные результаты.

Вместе с тем были и важные отличия в разных типах «культуры знаменитости», развивавшихся в одно время, но в различных политических и экономических условиях. Если в капиталистических обществах развитию культуры знаменитости способствовала коммерциализация фанатского рынка товаров, связанных с личностями звезд [Barbas, 2016, p. 5], то в СССР образ Евдокии Виноградовой тиражировался ради появления как можно большего количества активных участников культуры труда, сторонников нового места женщины в производстве, примером которого была стахановка. Кроме того, Дуся в числе остальных первых стахановцев – инициаторов движения в отрасли была представлена как часть «большой советской семьи», а письмо героине труда, в свою очередь, ассоциировалось с приобщением к данной общности.

Отличительной чертой писем советской знаменитости было то, что их появление было направлено на создание в прессе образа социальной сплоченности в целях оправдания репрессивных действий против «враждебных элементов», которые определялись властями в одном из оперативных приказов НКВД за июль 1937 г. как «зачинщики антисоветских преступлений» [Хоффманн, 2018, с. 379]. Несколько исследователей отмечают, что создание образов официальных героев, в число которых входили исследователи Арктики, герои авиации, а также первые стахановки в периодической печати тех лет, должно было работать на создание мифа о советской «большой семье» [Кларк, 2002], советское общество описывалось в семейных метафорах [Chatterjee, 1999, p. 9]. Руководители государства сравнивались с отцами во главе с главным патриархом И. Сталиным, официальные герои – с сыновьями, а государство – с семьей.

Публикации в прессе статей о переписке ударников города и деревни (Переписка знатных людей, 1934), о переписке знаменитой стахановки с военными и ткачихами (Необычайная переписка, 1935), письма известных публичных фигур стахановке (Эренбург, 1935; Письмо

наркома..., 1935) могли вдохновить ее читателей написать Е. Виноградовой. В этих публикациях воспроизводилась метафора большой советской семьи, символические родственные отношения в которой были основаны на совместном труде: отношения, возникавшие в ходе работы/учебы, общественно-политической деятельности (агитаторы, пропагандисты, пионервожатые) на производстве, в советской армии, школе вне зависимости от профессии приравнивались к кровному родству. Из стахановки и других «знатных людей», т. е. всех, кого в прессе причисляли к «передовикам социалистического труда» за счет рекордов, достигнутых с помощью сил и знаний в промышленности, в науке, искусстве (Усилим социалистическое соревнование, 1938), формировался коллективный образ героя, представлявший достижения советской политической системы 1930-х гг. Его противопоставляли коллективному образу антигероя, т.е. «отсталым рабочим», инженерам предприятий, которые портили стахановцам станки или отказывались участвовать в организации их рекордов в рамках всего предприятия.

Советские фанаты, писавшие знаменитой стахановке, в большинстве своем не воспринимали Е. Виноградову как героиню, которая бы вдохновляла их на объединение в осуждении «антигероя». Чаще всего авторы писем к ней мыслили себя членами «большой советской семьи» (метафоры, которую они воспринимали из прессы) – некоей эмоциональной общности, родственные связи в которой были основаны на труде во имя всеобщего блага «трудовой страны», причем не только на производстве, но и в любой сфере деятельности. В связи с этим любой советский гражданин вне зависимости от своего возраста, пола, национальности мог написать стахановке как родственнице по труду.

Советское государство поощряло написание писем гражданами. Однако письма советских фанатов отличаются от писем во власть, потому что их авторы не просили материальных ресурсов [Коткин, 2001; Суровцева, 2003; Фицпатрик, 2011; Alexopoulos, 1997], не стремились повлиять на что-то партикулярное и единичное в каком-либо институте власти или изменить какую-либо правовую или социальную норму [Шперлинг, 2004, с. 157, 160]. Главной целью письма было самоперевоспитание его автора с помощью получения рекомендаций по этому поводу у знаменитости (в данном случае – стахановки Дуси Виноградовой) как у эксперта и обретения таким образом эмоциональных ресурсов для совершения этого процесса. Можно сказать, что стахановское движение, особенно в период массовости стахановских рекордов на советских предприятиях в 1936 г., было определенной культурой труда и отдыха, тесно переплетенной с идеей «культурности» и распространившейся не только на производство, но и на советскую школу, армию, военные учебные заведения, комсомол и даже детский сад. Не зря Е. Виноградовой писали работники основных советских институтов социализации: воспитатели, учителя, комсомолки-пропагандистки, политработники советской армии. В образ первой стахановки вкладывался большой потенциал самовоспитания путем положительно оцениваемого всеми примера отношения к работе, отдыху, образованию, поведения молодой девушки не только в семье, но и с подопечными (воспитанниками) в пионеротряде, коллегами, начальством на работе, государственными, политическими деятелями в общественно-политической деятельности.

Таким образом, письмо всеоюзно известной стахановке как советской знаменитости можно причислить к отдельному виду эпистолярного жанра. Коммуникация в тексте письма выстраивалась на достаточно демократичной основе, практически на равных. Адресант и адресат текста были коллегами по труду вне зависимости от рода деятельности, разве что Е. Виноградова считалась в большей степени экспертом в работе по-стахановски и в культурном отдыхе. Определенные ограничения налагались на автора письма посредством самоцензуры. Так, среди писем стахановке от военных не встретишь прямых признаний в любви, даже в стихах, а романтические мотивы и сюжеты если присутствовали, то были тесно переплетены с воспеванием Родины, социалистического труда на новых основаниях, которые олицетворяла Е. Виноградова (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 143, 152, 153, 198, 267, 268).

Обращение к «культуре знаменитости» как к инструменту анализа позволяет рассмотреть письма стахановке в качестве отдельного эпистолярного жанра и ответить на вопрос: почему советские граждане разных возрастов и профессий писали Е. Виноградовой – лично незнакомой, но всеоюзно известной публичной фигуре? Кроме того, «культура знаменитости» как аналитический концепт дает возможность показать, что Советский Союз не был аномалией в сравнении с Западом [Хоффманн, 2018, с. 14]. Несмотря на отсутствие важных составных ча-

стей западного идеала современного государства – либеральной демократии и рыночного капитализма – в СССР действовали механизмы «культуры знаменитости», подобные тем, что и в западных демократиях в это же время. Изучение писем фанатов Е. Виноградовой дает возможность поддержать тезис о «множественных модернах», согласно которому западный модерн не является нормой измерения остальных политических систем, существовали различные траектории развития, и не все страны двигались в направлении западного идеала модели современного государства [Там же, с. 14–15]. Советская «культура знаменитости» лежала в основе плановой экономики и авторитарного режима, но это не исключало наличие нерепрессивных, демократических феноменов в массовой культуре. Среди читателей советской прессы сформировалось своеобразное эмоциональное сообщество фанатов нового режима труда и отдыха, которые писали о себе как о коллегах, делающих одно общее дело, что не исключало элементов добровольчества в их мотивации написать Е. Виноградовой.

Образцы для переписки со стахановкой

Основным образцом для написания коллективных писем могли служить договоры на социалистическое соревнование, появившиеся еще в 1929 г. В них между отдельными предприятиями после постановки цели, дачи обязательства, выполнение которых могло быть приурочено к какому-нибудь важному празднику, перечислялись конкретные пункты соревнования. Помимо производственных задач по экономии себестоимости продукции и улучшению ее качества, выполнению технических норм, снижению простоев станков, в договорах первой пятилетки указывали контроль за дисциплиной рабочих, улучшение их культурно-бытового положения: строительство жилья, детских садов при предприятии, повышение квалификации работников (Договор..., 1929, с. 77–78; Социалистический договор на выполнение..., 1931). Выполнение данных задач должно было способствовать увеличению производительности труда. Договоры на социалистическое соревнование публиковались в многотиражках предприятий, центральных периодических изданиях. Газеты выступали «арбитрами» в социалистическом соревновании и публиковали его результаты (Социалистический договор между..., 1929).

Коллективные письма Дусе Виноградовой от работников одного цеха любой отрасли промышленности заимствовали у социалистических договоров такую их традиционную часть, как постановка цели, дача обязательства и вызов на соцсоревнование. В то же время подобные письма могли создаваться для таких неформальных видов деятельности, как приглашение стахановки на бригадный вечер.

Ткачи и мастера одного текстильного цеха, отчитавшись о своих достижениях, ставили еще более амбициозную задачу, а также вызывали стахановку на соревнование: «Доныне считали, что 4 ст. были на ткачиху предел, а мы по твоему примеру перешли с 4-х на обслуживание 6-ти платковских станков. <...> Верно, это еще только начало, но мы поставили перед собой задачу вместе с администрацией фабрики привлечь в свои ряды 78 чел. ткачей для того, чтобы к 18 октября пустить не менее 144 станков в 3 смены при уплотнении 6-ти станков, и просим тебя и Вашу администрацию с нами соревноваться (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация авторов писем. – Д. Н.)» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 51). Копия данного письма была опубликована в ивановской районной газете «Рабочий край».

Стахановку также могли позвать на бригадный вечер, посвященный каким-либо годовщинам. Коллектив с московской текстильной фабрики Трехгорной мануфактуры в составе начальника цеха, парторга, профорга и членов бригады звали Е. Виноградову на комбинат по случаю октябрьских торжеств: «На нашем бригадном вечере мы расскажем о своей работе, о наших успехах и недочетах, и с большим удовольствием послушаем Вас, как Вы добились мировых рекордов. <...> Посмотрите как мы живем, какие у нас детские ясли, сады» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 52).

Для авторов коллективных писем (военнослужащих, пионеров одного звена, студентов-комсомольцев) написать Е. Виноградовой также означало рассказать о своих достижениях, заявить о стахановских намерениях своего рабочего коллектива, предложить участие в соревновании ради улучшения своих показателей в учебе и работе или же просто преуспеть в них. В отличие от писем работников текстильного цеха, в этих письмах было больше места для творчества. Авторы коллективных писем говорили о гордости и радости за стахановку как «одну из своих», т.е. представительницу коллектива, от имени которого было написано письмо.

Так, пионеры и военные обосновывали свою гордость тем, что Дуся – их «землячка», комсомолки-пропагандистки радовались тому, что молодая девушка – комсомолка тоже может быть широко известной.

Для пионеров коллективное письмо стахановке было частью общественной работы. Так, они просили назвать свой отряд/звено в честь Е. Виноградской (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 215) или сообщали, что взяли ее имя, что означало в то же время обязательство на отличную учебу (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 225). Обязательной частью коллективного письма пионеров был отчет о достижениях (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 111, 115, 215, 264), а иногда и обязательство не останавливаться на достигнутом (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 106). К стахановке обращались также с просьбой выслать биографию (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 217) или фотографию для специального альбома о ней, так как материалов в газетах не хватало.

Военнослужащие сообщали Е. Виноградской, что работают по-стахановски только в своей сфере – охраняют ее мирный труд: «Дорогие землячки Дуся и Маруся вы будьте спокойны, и не здавайте свои темпы в своей работе, мы стоим на охране нашей соц.Родины. Зорко охраняем нашу границу Сов.союза, и не допустим классового врага посягнуть на наше мирное соц.строительство» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 197). Курсанты военных учебных заведений заверяли Дусю в том, что учатся по-стахановски (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 62). Так же, как и пионеры, военные создавали собственные альбомы, посвященные стахановскому движению и просили у Е. Виноградской необходимые материалы для них (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 197).

Еще одной целью написания письма стахановке было выяснение технических подробностей ее рекорда. Вопросы возникали у обучавшихся военной технике младших командиров РККА после чтения материалов Первого Всесоюзного съезда стахановцев: «Дуся, что мы хотим сказать в этом письме для тебя. Во-первых это то, что прочитав твою речь на совещании стахановцев нас заинтересовала твоя успешная и рекордная работа на 144 станках. <...> Дуся, ты нам объясни, как ты можешь управлять этими станками ведь их много» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 20). Рекордам стахановки удивлялись и пионеры г. Шуи: «<...> Когда мы ходили на экскурсию на фабрику, нам рассказывали как из хлопка получается материал. Мы видели как работают наши родители на 16 станках, но ведь вы работали на 144 станках. Дуся, опишите нам о том, как вы справляетесь с работой и кто вам помогает» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 114).

Комсомолки-пропагандистки восхищались тем, что широко известной стахановкой-героиней смогла стать девушка, которую они считали одной из своих: «И как рады и счастливы мы за свою комсомолку – Дусю, мы вместе с тобой гордимся твоими успехами. Молодец Дуся! Ты девушка и это главное для нас – девушек, главное это в том, что не кто иной, а девушка подняла знамя стахановского движения в текстильной промышленности» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 107).

Вероятнее всего, инициатива написания коллективных писем как от участников одного цеха, так и от группы коллег исходила от агитаторов и активистов, которые и составляли тексты писем, а остальные участники лишь прилагали свою подпись. Однако важным оставалось то, что через обсуждение и голосование за такие письма советские граждане знакомились с практикой переписки с публичной фигурой. Коллективные письма, написанные по указке, во многом стали образцами для индивидуальных писем. Кроме того, государство активно продвигало идею индивидуальной переписки со стахановкой в материалах, которые публиковались в прессе.

В газетах частично были напечатаны письма Е. Виноградской от других известных людей, таких как И. Е. Любимов и И. Эренбург, они также могли послужить образцами для индивидуальных писем стахановке. Письмо наркома легкой промышленности И. Е. Любимова Дусе Виноградской появилось в «Легкой индустрии» 16 сентября 1935 г. (Письмо наркома..., 1935) через несколько дней после сообщения о рекорде ткачихи Виноградской. В нем Любимов обращал особое внимание на роль «уплотнения», т.е. обслуживания одной ткачихой большего количества станков, как основного средства повышения производительности и заработка рабочего. Кроме того, на Е. Виноградову возлагалась задача передачи ее эффективного опыта работы остальным ткачам Советского Союза.

21 ноября 1935 г. в «Известиях» было опубликовано письмо Ильи Эренбурга Дусе Виноградской (*Эренбург*, 1935). Труд стахановки Эренбург сравнивал с творчеством художника, это

объединяло писателя и ткачиху: «...люди почему-то всегда думали, что есть труд высокий и низкий. Они думали, что вдохновение способно водить кистью, но не киркой. Я не люблю бахвальства: в нашей стране еще много косного и темного. Но есть в ней то, чего нет, и не может быть в их мире (капитализма. – Д. Н.), то, что прежде только мерещилось отверженным поэтам и прекрасным чудакам: пала глухая стена между художником и ткачихой, труд престал быть библейским проклятием, музы не брезгают и шумными цехами фабрик. Вас принимали Дуся, у архитекторов, художники и писатели вас приветствовали как товарища. Мы любим вас не потому, что вы знамениты и знатны, но потому что у нас с вами одни муки и одни радости. Назовем их прямо – это муки и радости творчества» (Эренбург, 1935). Положительная оценка в письме давалась и внешности стахановки: «Приятно глядеть на Вас – вы счастливы и это счастье – настоящее глубоко человеческое счастье». Несмотря на то что авторы индивидуальных писем прямо не ссылались на письмо Эренбурга, они также искали точки соприкосновения с Е. Виноградской в своем отношении к труду, а их восприятие образа стахановки носило визуальный характер. Счастье, гордость, энтузиазм возникали при взгляде на ее изображение, как это описывалось в письме Эренбурга.

Кроме того, в прессе можно было встретить и упоминания о переписке сначала между знатными ударниками, потом между Е. Виноградской и простыми советскими гражданами. В начале второй пятилетки в «Правде» появилась статья, рассказывающая о переписке между представителями разных профессий. Идея о плодотворном сотрудничестве «лучших людей» – рабочих разных отраслей промышленности и профессий города и деревни – лежала в основе статьи «Переписка знатных людей», опубликованной в «Правде» 13 сентября 1934 г. Переписка, начавшаяся по инициативе «Крестьянской газеты», должна была стимулировать обмен опытом в изучении техники и укреплении связи между ударниками промышленности и колхозов. Согласно публикации в «Крестьянской газете», работники тяжелой промышленности города не только рассказывали колхозным бригадирам об истории фабрик и заводов, но и помогали решить технические вопросы. Подобная переписка должна была стать началом реальной дружбы, но и чувства своеобразного единства – «принадлежности стране» (Переписка знатных людей, 1934).

Идея переписки, которая бы объединяла людей разных профессий на основе общего дела и дружбы, повторилась в статье «Необычайная переписка» (Необычайная переписка, 1935). В отличие от «Переписки знатных людей», статья о письмах стахановке в «Комсомольской правде» просто сообщала факт существования родственной дружбы, которая уже объединяла людей разных профессий и стахановку – инициатора движения в текстильной промышленности. Необычность переписки, по мнению автора статьи, состояла как раз в том, что Дусе пишут совсем незнакомые люди. Данный факт говорил о существовании единой трудовой семьи советских граждан, труда, который создавал родственные узы. Достижения Дуси Виноградской вдохновляли людей разных профессий: курсантов, военнослужащих, ткачих – на достижения в своем роде деятельности: «В этих письмах много любви, тепла к девушке, которую они видели на портретах, в этих письмах много прекрасного чувства сыновней любви к своей стране. <...> А сколько чудесных писем получает Дуся от девушек, от текстильщиц. Ей пишут с нежностью сестер. Да они и есть сестры по труду эти девушки – живущие на противоположных концах страны, но делающие одно дело» (Там же). Корреспонденция Е. Виноградской, сохранившаяся в архивном деле доказывает, что в статье «Необычайная переписка» использовались цитаты из реально существующих писем стахановке. Почти дословно были процитированы те части писем, в которых авторы восхищались Дусей как лучшей ударницей, «знатным человеком», сами стремились стать стахановцами и уже упоминали некоторые свои достижения.

Статьи о переписке советских граждан друг с другом и со стахановкой вдохновляли читателей прессы. Однако первое письмо Дусе Виноградской пришло еще до того, как статьи о переписках были опубликованы. В октябре – ноябре 1935 г. в адрес Е. Виноградской также приходили письма, авторы которых ссылались на материалы, опубликованные в прессе о стахановке, говоря, что статьи о Дусиных рекордах (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 6, 67, 80), ее фото (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 6, 70), опубликованное выступление на совещании стахановцев вдохновили написать героине труда (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 6) и поздравить с достижениями, поделиться своим опытом в работе по-стахановски.

Индивидуальные письма

Анализ индивидуальных писем показывает, что они во многом опирались на модель коллективных. Индивидуальные письма стахановке также были результатом общественной работы: обсуждения материалов прессы в цехе, армии, пионерском отряде. Автор одного из индивидуальных писем отмечал, что решение написать пришло после прочтения материалов о стахановском движении в газете (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 254). В одном из писем сам руководитель политических занятий воинской части обращался к стахановке с просьбой ответить своему ученику и даже прилагал конверт для ответа: «Я командир РККА, руководитель политзанятий. В проработке решений декабрьского пленума ЦК мы много говорили о Вас и у меня нашелся красноармеец которому просто трудно представить, как можно работать на 216 станках. Он пишет Вам просит ответить хотя бы в двух словах как работаете, трудно ли, каким путем вы достигли этого. <...> Только Дуся не откладывайте, конверт и бумагу вкладываю» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 307).

Авторы индивидуальных писем также выражали радость и гордость за трудовые рекорды Дуси. Поклонники интересовались личным опытом стахановки: как она, такая «миниатюрная», справляется с работой? (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 24–25). Кроме того, авторы писем следили в газетах за информацией о Е. Виноградовой, вырезали ее изображения, хотели увидеть лично. Каждый автор письма, каким бы родом деятельности он ни занимался, подчеркивал то, что объединяло его и стахановку.

Как и поклонники голливудских звезд 1910–1940-х гг. [Orgeron, 2009, p. 17] советские читатели прессы стремились с помощью писем лично познакомиться с известной личностью. Ее широкая известность выступала оправданием нарушения социальных норм во время написания письма незнакомцу: «Здравствуйте, Дуся! Вы меня извините, что я вам незнакомый человек и пишу письмо. Ну, это ничего, зато я вас знаю, как человека, которого знает весь Советский Союз и о котором не умолкает пресса о высших победах на трудовом фронте» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 17).

Восприятие образа знаменитости в советском контексте, так же, как и в западном обществе, было основано на визуальном материале. Увидеть фото стахановки в газете означало для поклонников знакомство с ней: «Когда читаешь газеты и встречаешь твои фотографии, радуешься за тебя, любишься тобой» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 193). Поклонники стремились не просто найти материалы в прессе о стахановке, но и вырезать ее изображение, повесить на видном месте: «Ваш портрет в газете я вырезал и поместил его в свой альбом. И слежу по газетам за каждым успехом, который вы проявляете на фабрике и меня это радует» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 186); или сохранить на память для себя лично: «А ваш снимок из газет я вырежу и отдам на увеличение фотографу и буду хранить на память о героях землячках» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 46). Визуальное восприятие образа знаменитости было тесно связано с трудовым энтузиазмом, который возникал у поклонника при взгляде на изображение кумира: «Фотокарточку я вырезал из газет и повесил над своим рабочим столом. <...> Видя твой портрет, я с еще большей пылкостью принимаюсь работать. <...> Милая Дуся, у меня к тебе просьба, прошу если возможно пришли свою фотокарточку с твоей подписью на память мне лично. Буду носить с собой всегда и везде. Этим ты дашь мне стимул к работе» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 256). Еще больше радости доставила бы поклонникам встреча со стахановкой в жизни: «Еще бы стало лучше, веселее если бы хотябы глазком Дусю увидели» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 294–295).

Образ Е. Виноградовой складывался у авторов писем под воздействием не только ее изображений, опубликованных в прессе, но и текстов, связанных с ее общественно-политической деятельностью: «Я знаю о тебе только по газетам, бережно храню все твои портреты и выступления на совещании стахановцев. Несколько раз прочитывал страничку Комсомольской правды где пишут о тебе знатной стахановке» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 188). Визуальный материал притягивал внимание к тексту. Авторы индивидуальных писем также обращались к стахановке с просьбой выслать фото, но уже для личного пользования.

Поклонников, писавших как коллективные, так и индивидуальные письма, объединяло описание чувства радости и гордости за рекорды стахановки. Однако только в индивидуальных письмах можно было встретить слова и выражения, которые передавали стремление не просто

завязать переписку в процессе общественной работы, ради обмена опытом и соцсоревнования, но и личные дружеские отношения. Когда двум поклонникам удалось получить от стахановки ответное письмо, в их повторных письмах появились вопросы к ней как к молодой красивой девушке или подруге, а не как к техническому эксперту или знатоку общественно-политической работы. Инженер по механическому оборудованию в паровозном депо благодарил Дусю за присланную в ответ фотокарточку, при этом особое внимание уделял ее внешности: «Большое спасибо за твою карточку с надписью... так раз тебя и представлял: милое... личико и задумчивый взгляд. Куда смотрели в этот момент твои глаза, что ты думала?» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 81). Домохозяйка, чьей пятилетней дочери пришло ответное письмо от стахановки, интересовалась, как Дуся справлялась с работой: «Дуся, напишите пожалуйста, как это вы такая миниатюрная и молоденькая справляетесь с 216 станками, наверно это очень трудно» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 24–25); приглашала ее в гости и даже отдохнуть вместе в Кисловодске (Там же).

В стахановское движение стремились включиться не только военные и текстильщицы, но и представители других профессий. Выделяя что-то наиболее близкое для себя в достижениях Е. Виноградовой, они создавали новые смыслы. Так, авторы писем Виноградовой представляли себя как стахановцев не только на производстве, но и в школе, во время обучения и преподавания в армии. Образ стахановки получил признание не только как технического эксперта, но и как пионервожатой.

Авторы и индивидуальных, и коллективных писем обращались к Е. Виноградовой, чтобы сообщить о своих «стахановских рекордах» и таким образом написать о себе как о стахановце или узнать секрет ее успеха, проявить заботу. Однако только в индивидуальных письмах оставалось место для личных сомнений, страхов за себя или Дусю. В них авторы стремились поделиться своими проблемами, вставшими на пути к трудовым рекордам, спросить у стахановки совета или позаботиться о ней как о молоденькой девушке.

Редактор газеты, член партии стремился убедить Дусю не бросать рекорды и сохранять комсомольскую сознательность после прихода славы и всесоюзного признания: «Твою фамилию, твое имя знает у нас на комбинате от старого до малого. Мне приходится руководить школой и когда работницы выступают часто тебя ставят примером. <...> Пойми, Дуся не знавайся. Двигай технику вперед. На комбинате уже десятки, но мало и мало...» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 239). Завуч школы хотела предупредить Дусю о грубой лести и назойливых журналистах, которые, по ее мнению, могли «покачнуть» сознательность стахановки: «Прошу очень передать вашей маме вот что <...>. Пусть следит за вами еще строже и гонит всех репортеров. Ведь теперь поползет вслед за настоящим народом и разный народишко, только бы поместить в газете интервью со знаменитой молоденькой ткачихой. Прости за прямоту, но я мало уважаю эту публику, много среди них дряных людишек» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 218–219).

Молодая ткачиха охотно делилась с Е. Виноградовой техническими проблемами на производстве, которые вставали на ее пути к стахановским рекордам: «Дуся мне сильно хочется быть как ты только здесь сильно не позволяют условия работы здесь нет парового отопления и нет увлажнения так что сильно рвется основа и частая разладка» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 322–323). Ученик последних классов школы прямо обращался к Дусе за советом в выборе будущей профессии. Он был вдохновлен ее рекордами, но сомневался, может ли мужчина стать ткачом, ведь эта профессия маркировалась в прессе как женская: «Я хотел быть летчиком, но и ткачем не плохо потому что труд у нас дело чести дело славы и кто хочет работать тот у нас в почете независимо какая у него профессия. <...> Напиши ткачем может быть мужчина» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 231).

Для курсантов военных учебных заведений пример Е. Виноградовой был образцом в учебе – освоении военной техники. Таким образом, Дусе как эксперту можно было рассказать о своих успехах, попросить совета по улучшению своей учебы и пообещать добиться поставленных целей. Так, ученик военной школы сетовал на свою успеваемость и интересовался Дусиным методом: «В настоящее время в военной школе. В учебе я еще невидный и неприметный. <...> Дуся, прошу ответить и написать как вы этого достигли» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 16–17). Другой курсант военной школы прямо просил помощи в овладении стахановским ме-

тодом: «Прошу помощи от вас, как надо работать, чтобы стать отличником, стахановцем <...> Ибо я желаю последовать примеру в вашей учебе» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 136–137).

Для военных-политработников, учителей школы, представителей разных специальностей стахановка представляла пример в воспитании подрастающего поколения. Они обращались к ней за советом как к эксперту в работе с пионерским отрядом, стремились обменяться опытом работы с молодежью. Счетовод-расчетчик на хлебозаводе обращалась к стахановке с надеждой улучшить воспитательную работу в отряде: «<...> Дуся, опишите мне, если будете отвечать на мое письмо, что вы думаете делать в дальнейшем с пионеротрядом и что сделали, что у вас есть при отряде? Вы наверно не откажетесь от моего предложения (обменяться опытом работы. – Д. Н.), а когда мы узнаем работу друг друга тогда можно будет поставить перед собой задачу и здесь включиться в соц. соревнование на лучший отряд» (ГАИО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 31–33).

Заключение

Несмотря на то что письма советских поклонников имели сходные черты с письмами фанатов в капиталистических странах, их специфика заключалась в том, что в советской «культуре знаменитости» коммуникация между поклонником и кумиром была более демократичной. В капиталистическом обществе всегда сохранялась дистанция между знаменитостью и заинтересованной аудиторией [Orgeron, 2009, p. 15, 16], фанаты не писали своим кумирам как коллегам. В Советском Союзе люди, увлеченные кумиром, писали ему о себе как о таких же участниках стахановского движения, обращались к знаменитости как к своей коллеге, участнице своего коллектива, с которой можно поделиться успехами или проблемами. Стахановке писали с целью отчитаться о достижениях, дать обязательство, вызвать на социальное соревнование либо поделиться проблемами, сомнениями в своих способностях работать по-стахановски.

Во многом подобное восприятие было обусловлено тем, что письма Дусе Виноградовой имели свои корни в советской практике, связанной с общественной работой на производстве, в советской школе, армии, комсомоле, заключающейся в товарищеском обмене опытом, даче обязательств, социальном соревновании как средстве улучшения работы и помощи отстающим. Подобной риторикой наполнены письма от групп авторов, которые стремились заявить о стахановских намерениях своих коллективов. В индивидуальных письмах оставалось больше пространства для творчества, их авторы говорили о своих трудностях и сомнениях на пути к стахановским рекордам. В связи с этим в представлении советских поклонников Дуся Виноградова была либо старшим товарищем, коллегой – техническим экспертом, образцом в воспитательной работе, либо объектом заботы. Таким образом, написать Е. Виноградовой означало выразить восхищение и поздравить не просто всесоюзно известную стахановку, но представительницу своего коллектива, коллегу, родственницу по труду.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда KONE во время стажировки в Александровском институте Хельсинского университета в качестве младшего научного сотрудника по программе приглашенных стипендиатов.

Список источников

Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 282. Оп. 1. Д. 319. Л. 6, 16–17, 20, 24–25, 31–33, 46–47, 51–52, 62, 67, 70, 80–81, 106–107, 111, 114–115, 136–137, 143, 152–153, 186, 188, 193, 197–198, 215, 217–219, 225, 239, 254, 256, 264, 267–268, 280, 294–295, 307, 321–323.

Виноградова Е. В., Виноградова М., Лебедева Е. Наш метод работы. Иваново: Гос. Изд-во Иван. Пром. Обл., 1935.

Договор на социалистическое соревнование между текстильщиками Твери, Москвы и Иваново-Вознесенска. 7 апреля 1929 г. // Живое творчество масс: документальная летопись трудового героизма и социалистического соревнования трудящихся Ивановской области. 1917–1982 гг. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1984.

Необычайная переписка // Комсомольская правда. 1935. 4 декабря.

Переписка знатных людей // Правда. 1934. 13 сентября.

Письмо наркома легкой промышленности И. Е. Любимова ткачихе фабрики им. В. П. Ногина (г. Вичуга) Е. В. Виноградовой // Легкая индустрия. 1935. 16 сентября.

- Ракитников А. Н.* Евдокия Викторовна Виноградова. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1938. Социалистический договор на выполнение планов четвертого решающего года пятилетки, рабочих, ИТР и служащих Меланжевого комбината и завода ИНЗ № 2. Шуя: Горлит № 1099. Тип. им. М. В. Фрунзе, в г. Шуе. 1931.
- Социалистический договор между Боняченской фабрикой им. Ногина и Тезинской фабрикой «Красный профинтерн» // Ногинец. 1929. № 1.
- Софронов Н. С.* Дуся Виноградова. М.: Мол. гвардия, 1936.
- Усилим социалистическое соревнование // Правда. 1938. 29 декабря.
- Эренбург И.* Письмо Дусе Виноградовой // Известия. 1935. 21 ноября.

Библиографический список

- Alexopoulos G.* The Ritual Lament: a Narrative of Appeal in the 1920s and 1930s // Russian History. 1997. Vol. 24, no. 1-2. P. 117–129.
- Barbas S.* Movie Crazy: Stars, Fans, and the Cult of Celebrity. New York: Basingstoke (Hants.): Palgrave, 2016.
- Buckley M.E. A.* Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006.
- Chatterjee C.* Soviet Heroines and Public Identity // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1999. № 1402. P. 1 – 33.
- Fishzon A.* Confessions of a Psikhopatka: Opera Fandom and the Melodramatic Sensibility in Fin-de-Siècle Russia // The Russian Review. 2012. Vol. 71, no. 1. P. 100–121.
- Jenkins H.* Strangers No More, We Sing: Filking and the Social Construction of the Science Fiction Community // Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media. Taylor & Francis e-Library, 2001. P. 208–237.
- Lewis L. A.* Introduction // Adoring audience: Fan Culture and Popular Media. Taylor & Francis e-Library, 2001. P. 1–6.
- Orgerson M.* “You Are Invited to Participate”: Interactive Fandom in the Age of the Movie Magazine // Journal of Film and Video. 2009. Vol. 61, no. 3. P. 3–23.
- Randall A. E.* “Revolutionary Bolshevik Work”: Stakhanovism in Retail Trade // The Russian Review. 2000. No. 3. P. 425 – 441.
- Shaw C.* Soldiers' Letters to Inobatxon and O'g'ulxon: Gender and Nationality in the Birth of a Soviet Romantic Culture // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17, no. 3. P. 517–552.
- Siegelbaum L. H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. 1935–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Кларк К.* Советский роман: история как ритуал [Электронный ресурс]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. URL: <http://www.fedy-diary.ru/katerina-katarina-klark-sovetskij-roman-istoriya-kak-ritual-chast-pervaya-dve-pervye-glavy/> (дата обращения: 04.03.2021).
- Коткин С.* Говорить по-большевистски (Из кн. «Магнитная гора – сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: веги историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара: Самарский университет, 2001. С. 250–328.
- Лилти А.* Публичные фигуры: изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.
- Наволоцкая Д. И.* Е. Виноградова как публичная фигура: образ советской знаменитости в прессе 1935–1936 гг. // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 137–150.
- Суровцева Е. В.* «Письмо вождю» как эпистолярный жанр: его своеобразие и жанровые разновидности [Электронный ресурс] // Проблемы неклассической прозы в социокультурном контексте XX в.: сб. науч. стат. М.: ТЕИС. 2003. Вып. 1. URL: <https://proza.ru/avtor/eskorospelova> (дата обращения: 04.03.2021).
- Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011.
- Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

Хоффманн Д. Возращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018.

Шперлинг В. Новая политическая история: Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России. СПб.: Алетея, 2004.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.01.2021

PERCEPTION OF THE IMAGE OF STAKHANOVKA: FAN LETTERS TO DUSYA VINOGRADOVA, 1935–1936

D. I. Navolotskaya

European University at St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1A, 191187, St. Petersburg, Russia
dnavolotskaya@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0001-7350-4953

The main question of the article is why Soviet citizens of different professions and ages wrote letters to Stakhanovka, who was the first Soviet celebrity. To answer it, the author relies on "celebrity studies", a new direction in the social sciences and humanities, in which historians turn to the study of "celebrity culture". In the article, a celebrity is seen not as a status assigned to an individual and providing prestige and other social dividends, but as an analytical tool for analyzing the culture of society. Therefore, to study the mechanisms of the emergence and spread of celebrities, it is important to shift the research focus from studying the personality of a public figure to fame in general. In other words, it is important to pay attention to the cultural practices of consuming the image of a public figure, as well as to the political and social mechanisms by which these practices were constructed. Referring to "celebrity culture" as a tool for analysis, the author demonstrates that in the 1930s, the Soviet Union was not an anomaly in comparison to the Western societies. The Soviet culture of celebrity was the basis of the planned economy and the authoritarian regime, but this did not exclude the presence of non-repressive, democratic phenomena among the audience of the central Soviet press.

Key words: Dusya Vinogradova, Stakhanovism, fan letters, socialist competition, celebrity culture.

Acknowledgments

¹ The article was prepared with the KONE Foundation's financial support during a Visiting Fellow in the Aleksanteri Institute's Visiting Fellows Programme, University of Helsinki.

References

- Alexopoulos, G. (1997), "The Ritual Lament: A Narrative of Appeal in the 1920s and 1930s", *Russian History*, Vol. 24, № 1–2, pp. 117–129.
- Barbas, S. (2016), *Movie Crazy: Stars, Fans and the Cult of Celebrity*, Springer, New York, USA, 242 p.
- Buckley, M. E. (2006), *Mobilizing Soviet peasants: heroines and heroes of Stalin's fields*, Rowman & Littlefield, Lanham, USA, 384 p.
- Chatterjee, C. (1999), "Soviet heroines and public identity", *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, № 1402, pp. 1–32.
- Fishzon, A. (2012), "Confessions of a Psikhopatka: Opera Fandom and the Melodramatic Sensibility in Fin-de-Siècle Russia", *Russian Review*, 2012, Vol. 71, № 1, pp. 100–121.
- Fitzpatrick, Sh. (2001), *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg.: derevnya* [Stalin's peasants: resistance and survival in the Russian village after collectivization], Rosspen, Moscow, Russia, 422 p.
- Fitzpatrick, Sh. (2011), *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off your masks! Identity and imposture in Russia of the 20th century], available at: https://royallib.com/read/fitspatrik_sheyla/srivayte_maski_identichnost_i_samozvanstvo_v_rossii.html#0 (accessed 4.03.2021)
- Hoffmann, D. (2018), *Vzrashchivanie mass: modernoe gosudarstvo i sovetskij sotsializm 1914–1939* [Cultivating the masses: modern state practices and Soviet socialism], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 424 p.
- Jenkins, H. (2001), "Strangers No More, We Sing: Filking and the Social Construction of the Science Fiction Fan Community", in Lewis, L. A. (ed.), *Adoring audience 2001: Fan Culture and Popular Media*, Taylor & Francis e-Library, USA, pp. 208–237.
- Klark, K. (2002), *Sovetskij roman: Istoriya kak ritual* [The Soviet novel: history as ritual], available at: <http://www.fedy-diary.ru/katerina-katarina-klark-sovetskij-roman-istoriya-kak-ritual-chast-pervaya-dve-pervye-glavy/> (accessed 4.03.21).

- Kotkin, S. (2001), “Speaking like a Bolshevik (From the book “Magnetic Mountain – Stalinism as a Civilization”)”, in *Amerikanskaya rusistika: vechi istoriografii poslednih let. Sovetskiy period* [American Russian studies: milestones in the historiography of recent years. The Soviet period. Anthology], Samarskiy universitet, Samara, Russia, pp. 250–328.
- Lewis, L. A. (2001), “Introduction”, in Lewis, L. A. (ed.), *Adoring audience 2001: Fan Culture and Popular Media*, Taylor & Francis e-Library, USA, pp. 1–6.
- Lilti, A. (2018), *Publichnye figury: Izobrenenie znamenitosty (1750–1850)* [Public figures: the invention of celebrity (1750–1850)], Izdatelstvo Ivana Limbaha, St. Petersburg, Russia, 496 p.
- Navolotskaya, D. I. (2020), “E. Vinogradova as a public figure in 1935–1936: The image of the Soviet celebrity in the press”, *Zhenshina v rossiyskom obshestve*, № 1, pp. 137–150.
- Oregon, M. (2009), “«You Are Invited to Participate»: Interactive Fandom in the Age of the Movie Magazine”, *Journal of Film and Video*, Vol. 61, № 3, pp. 3–23.
- Randall, A. E. (2000), “«Revolutionary Bolshevik Work»: Stakhanovism in Retail Trade”, *The Russian Review*, № 3, pp. 425–441.
- Shaw, C. (2016), “Soldiers' Letters to Inobatxon and O'g'ulxon: Gender and Nationality in the Birth of a Soviet Romantic Culture”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, № 3, pp. 517–552.
- Siegelbaum, L. H. (1990), *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*, Cambridge University Press, Cambridge, USA, 344 p.
- Surovtseva, E. V. (2003), “The letter to the leader as an epistolary genre: its originality and genre varieties”, in Skorospelova, E. B. (ed.), *Problemy neklassicheskoy prozy v sotsiokul'turnom kontekste XX v.* [Problems of non-classical prose in the socio-cultural context of the 20th century], available at: <https://proza.ru/avtor/eskorospelova> (accessed 4.03.21).